

по варианту сказителя Сагымбая Орозбакова (эпизоды, определяющие общую сюжетную канву переводной части трилогии эпоса — сказа о Манасе) без редакторских и иных вмешательств, перевод на русский язык и обширный комментарий.

Подготовка к изданию в Серии потребовала большой текстологической и аналитической работы, которая осуществлялась при участии академиков Б. М. Юнусалиева, К. К. Юдахина, фольклористами сектора «Манас» ИЯЛ АН Кыргызстана, многие годы возглавлявшегося С. М. Мусаевым (подготовка киргизского текста), а от ИМЛИ — ведущими научными сотрудниками А. С. Мирбадалевой и Н. В. Кидайш-Покровской (перевод и научные комментарии).

В комплексе проблем, которые приходится решать при научном двуязычном издании «Манаса», особое место занимает перевод, преследующий основную задачу академического издания: тщательно передать смысловое и художественное содержание оригинала, образно-художественную фактуру эпического текста. Такой перевод отвечает понятию «адекватный», поскольку призван не только сочетать полноту передачи смысла каждой поэтической строки, но и сохранить стилистическое соответствие подлиннику без добавления или изъятия слов, смысловых привнесений и других переводческих вольностей, как это нередко наблюдается в переводах, в том числе и эпоса. Иными словами, имеется в виду перевод, верный оригиналу, который при всех неизбежных потерях (ибо мера воспроизведения стилистических компонентов подлинника всегда относительна) воссоздает с предельной достижимостью художественную структуру и эстетическую целостность древнего устного эпического памятника.

Перевод «Манаса», выполнявшийся непосредственно с оригинала, не относится к типу лингвистического перевода, имеющего свои задачи и критерии верности и не ориентированного специально на раскрытие фольклорной поэтики и стиля. Вместе с тем по своим нормам он отличается от литературно-поэтического перевода, обычно называемого художественным, а по существу неточного т. к. подыскание рифм и размера, не достигающих соответствия с оригиналом, неизбежно влечет добавление слов и словосочетаний, далеких от специфической образности древнего памятника.

В академической серии двуязычных публикаций эпоса закономерен перевод предельно точный, но не буквальный, когда в стремлении к точности в переводе слов создаются мертвые фразеологические кальки, нередко нарушающие законы русского языка. При работе с тюркоязычными памятниками, в данном случае с «Манасом», это сопрягается со своими специфическими трудностями (не только практическими, но и теоретическими). Ведь для достижения необходимого уровня смысловой точности каждой строки наряду с передачей лексики требуется переводить национальную фразеологию так, чтобы передать по-русски ее своеобразие и при этом обеспечить читателю восприятие образного, во многом метафоричного, языка всего эпического контекста. Как всегда в подобных случаях, адекватность передачи значительно осложнена большим структурным и стилистическим различием языка оригинала и русского языка, различием стиховых систем, трудностями раскрытия эпических образов, отразивших народное мироощущение отдаленных эпох.

Поскольку теоретические основы адекватного перевода тюркоязычного эпоса еще мало разрабатывались, невелика и практика научных изданий подобных памятников. В работе над переводом «Манаса» приходилось опираться на общую теорию перевода применительно к произведениям восточной классики, в том числе и эпоса, учитывая опыт переводческой работы таких крупных востоковедов-тюркологов, как В. В. Бартольд [3], С. Е. Малов [4], А. Н. Кононов [5], А. М. Щербак [6]. Это в немалой степени способствовало решению основной задачи — при переводе устного тюркоязычного эпоса, каков «Манас», предусмотреть не только лексико-семантическую точность в передаче специфики архаичного образного языка, но и отраженную в нем эстетику древних кочевых племен. Иными словами — выполнить перевод в том же стилистическом ключе,